

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1367-1377. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1367
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Neo-Populists the First Quarter of the XXth century in Inter-Party Relation and Interpersonal Relationships

Olga L. Protasova ^{a, *}

^aTambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the political and «human» relations between the two neo-national parties of Russia in the first quarter of the XX century – socialists-revolutionaries and people's socialists. The relevance of its subject is due to the usefulness of studying the experience of civilized, although not always quite constructive, political cooperation of democratic forces in the conditions of socio-economic and political-cultural modernization of the country in the early XX century and the epoch of the Great Russian revolution (1917). The novelty of the problem posed in this paper consists in applying not only a purely historical, but also a socio-psychological approach to the analysis of inter-party and interpersonal relations, which in fact turn out to be much more complex and unpredictable than the gradation on formal party grounds. The subject of the research is attempts at political cooperation of parties that are similar in ideological spirit, but different in political temperament. Analyzes the approaches of both organizations to major – moderate and radical methods of political struggle, the attitude to the possibilities for illegal activities, to find potential allies in the political arena; identified underlying contradictions between the parties on these issues. Considerable attention is paid to the socio-psychological characteristics of the leaders and leading ideologists of the parties – V. Chernov and A. Peshekhonov. It is shown how and why, with similar views on socialism – in their opinion, the progressive system of the future, a common adherence to the ideas of democracy, almost equally strict observance of moral principles in politics, and orientation to a common social platform («working people»), these organizations missed the opportunity to create a single party that would implement the ideals of democratic socialism.

Keywords: neo-populism, political parties, social revolutionaries, people's socialists, revolution, state.

1. Введение

Актуальность проблемы, затронутой в данной статье, обусловлена полезностью изучения опыта конкуренции политических сил, стоявших у истоков формирования в России начала XX века демократической, гражданской культуры, – Партии социалистов-революционеров (ПСР) и Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). Обе партии относятся к направлению, сущность которого можно выразить формулой «демократический социализм». С момента окончания II Мировой войны и по настоящее время политические организации, стоящие на позициях демократического социализма, пользуются бесспорным влиянием в большинстве стран Западной и Центральной Европы. Достаточно сильны позиции демократического социализма и в общемировом масштабе, поскольку в его программе гармонично сочетаются лучшие «завоевания» как либеральной, так и социалистической мысли: провозглашение неприкосновенности индивидуальных прав и свобод, уважение к суверенитету личности и при этом – требование социально ответственного правового государства. В программных платформах и ПСР, и ТНСП содержались компоненты,

* Corresponding author

E-mail addresses: olia.protasowa2011@yandex.ru (O.L. Protasova)

предвосхищавшие базовые представления современной демократии о характере государства и права при социализме, об оптимальных формах взаимодействия государства, общества и личности. Крупнейшие российские неонароднические партии на всем протяжении своего существования занимали соседние политические позиции; помимо верности идеям социализма, у них было сходным довольно многое: строгое отношение к моральной стороне политики (беспринципность во имя достижения цели не оправдывала ни одна из них), внутрипартийный демократизм, самая искренняя забота о своей «целевой аудитории» – трудящихся массах города, и особенно деревни. Однако политический темперамент народнических организаций был совершенно разным, и это, помимо прочих факторов, затрудняло возможность создания единой политической организации социалистов-народников, которая гипотетически могла бы, выступая легально, завоевать авторитет в Государственной Думе межреволюционной поры, а в 1917 году – способствовать повороту революционной стихии в более контролируемое, демократическое русло. Новизна исследуемой проблематики состоит в применении не только чисто исторического, но и социально-психологического подхода к анализу межпартийных и межличностных отношений, которые на поверку оказываются гораздо сложнее и непредсказуемее, чем градация по формально-партийному признаку.

Целью настоящей работы является анализ возможностей интеграции народнических сил в начале XX века и причин, по которым эта интеграция не состоялась.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы привлечены дореволюционные и послереволюционные архивные материалы – воспоминания современников, активных политиков и членов их семей, а также публицистика участников описываемых событий и процессов.

Основные методы данного исследования:

- системно-структурный (в общем контексте рассматриваются вопросы, связанные с характеристиками неонародничества как значимой части демократического социализма в России);
- компаративный (сопоставлены взгляды партий эсеров и народных социалистов на основные вопросы программы и тактики, проводится сравнение их отношения к радикализму в политической борьбе и, в частности, к террористическим методам);
- обобщение (выявлены общие принципы этих взглядов, в том числе подчеркнуто единство воззрений на характер социальной платформы неонароднических партий – единый «трудовой народ» – и на проблему формирования гражданского сознания у трудящихся);
- метод исторической персонализации (выделены неонароднические деятели, принимавшие наиболее активное участие в рассматриваемых событиях и процессах).

3. Обсуждение

Советская историография по отношению к непролетарским и немарксистским партиям была, как известно, весьма сурова и рассматривала их деятельность как контрреволюционную, следовательно, заслуживающую исключительно осуждения. Социалистов-революционеров именовали «мелкобуржуазной» партией и разоблачали ошибочность ее программы и тактики. О народных социалистах даже среди профессиональных историков очень мало кто знал что-либо существенное; эта партия лишь изредка упоминалась в контексте работ об эсерах и трудовиках, а ее самостоятельная позиция на политической арене почти не рассматривалась. В советской академической литературе, если и упоминалось об энесах, то предельно скупое и с позиции убежденности в том, что народно-социалистическая партия – это «бывшее правое крыло эсеров» (*Советская историческая энциклопедия, 1976: 597*), отколовшееся от партии на ее учредительном съезде в декабре 1905 г. Данное утверждение, впрочем, особого удивления не вызывает: установка к восприятию энесов как вторичной, несамостоятельной политической организации была задана еще В.И. Лениным, который в свойственной ему резкой афористичной манере называл их «эсерствующими меньшевиками», «социал-кадетами», «переряженными кадетами», «оппортунистами народничества», «народническими ликвидаторами» (*Ленин, 1973: 334-337*) и пр. Ситуация коренным образом изменилась с конца 1980-х гг., когда стало возможным анализировать события и явления революционной поры в более объективном формате. Неонароднические партии как крупнейшие политические акторы переломной эпохи сразу привлекли внимание исследователей; проявился особый интерес и к персоналиям – было издано множество биографий лидеров и идеологов этих партий. Значительный вклад в изучение данной проблематики внесли К.Н. Морозов, создавший большое количество трудов, посвященных партии социалистов-революционеров, ее славе и трагической судьбе (*Морозов, 1998; Морозов, 2013; Морозов, 2014*); К.Г. Гусев (*Гусев, 1999*), известный еще с советских времен своими трудами по истории социалистических партий небольшевистского толка; М.И. Леонов (*Леонов, 2019*); Н.Д. Ерофеев (*Ерофеев, 1979*), первым взявшийся за изучение народно-социалистической тематики; О.В. Коновалова, систематизировавшая политические воззрения и этапы творческого пути В.М. Чернова (*Коновалова, 2009*); специалист по истории Трудовой народно-социалистической партии А.В. Сыпченко (*Сыпченко, 1999*); исследователь социализма как теории со всеми ее ответвлениями А.В. Шубин (*Шубин, 2007*) и др. Автору данной

статьи также принадлежит ряд работ политико-биографического и комплексного характера (Протасова, 2004; Протасова, 2019), в которых рассматриваются сосуществование и взаимодействие в политическом пространстве революционной России партий демократического социализма, включая неонароднические.

Огромную ценность представляют источники, авторы которых принимали непосредственное участие в описываемых ими событиях. Особо следует отметить блестящую публицистику В.М. Чернова (по общему признанию, главного идеолога социалистов-революционеров), многочисленные серьезные публикации на самые разнообразные темы, в том числе «на злобу дня»; А.В. Пешехонова, который, спустя десятилетие после первой неудачной попытки объединения народников, первым проанализировал основные межпартийные несогласия в журнальной статье (Пешехонов, 1917). Несомненный интерес представляют воспоминания М.В. Вишняка (Вишняк, 1954) – одного из долгожителей этого поколения политиков. Из его мемуаров можно почерпнуть многое не только о политических, но и о межличностных, человеческих связях, симпатиях и антипатиях, сотрудничестве и конфликтах в социалистической среде России, а затем и русской эмиграции.

4. Результаты

В российских социально-экономических условиях последней четверти XIX века, характеризовавшихся запоздалой по сравнению с передовыми странами Европы модернизацией, все еще крайне низким уровнем общей культуры населения страны и большой идейной сегментированностью просвещенной его части, заметное место в общественно-политической жизни приобрели представители народничества. Народничество – движение идейно пестрое и плюралистичное – имело общую платформу: в качестве объекта своей политической заботы оно выделяло «трудовой народ» – рабочих, трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию. Пролетариат по показателю потенциальной революционности оценивался народниками выше прочих категорий трудящихся масс, однако и все остальные, живущие собственным трудом, считались достаточно перспективным «материалом» для участия в построении общества социального прогресса. Крестьянство народники начала XX века отказывались квалифицировать как «мелкобуржуазный» класс (Леонов, 2019: 156). Было ясно, что развивающаяся работа, которую необходимо проделать в деревне, требует колоссальных усилий и терпения, однако к этому оказались готовы те, кто предпочел в 1890-х гг. старое доброе народничество марксизму – новомодному, пришедшему из Европы направлению, набиравшему в России все большую популярность и чрезвычайно привлекавшему молодежь.

В последнее десятилетие XIX века народничество, начавшее было сдавать марксизму свои позиции, возродилось и активизировалось, отчасти обновив идейный арсенал, пересмотрев ряд программных установок, например признав факт развития капитализма в России. Новое поколение народников получило впоследствии наименование «неонародничество». Этот термин был одобрен не всеми отечественными историками – специалистами в данной области, но мы считаем обоснованным его использование, хотя бы с целью отделить от старого поколения новую генерацию народников. В те же 1890-е гг. происходила знаменитая марксистско-народническая полемика, победу в которой не одержал никто, хотя советская историческая наука по понятным причинам объявляла победителем марксизм. По сути, каждая сторона осталась при своем: и в понимании идеалов будущего социалистического устройства, и в отношении путей к нему, и в определении своей «целевой аудитории». Тем не менее, именно эта дискуссия, по признанию некоторых видных адептов неонародничества, помогла им отточить полемические навыки, консолидировать силы, определить более или менее четкую политическую цель и наметить пути к ее осуществлению. Неонародники, в отличие от своих предтеч-единомышленников, продвигали свои идеи не только в науке, публицистике и «малых делах», но и вплотную занялись публичной политической и общественной деятельностью, причем весьма успешно. Ими были организованы две политические партии – социалистов-революционеров и народных социалистов. Первая из них со временем стала самой массовой в России и, по разделяемому многими современными исследователями убеждению германского историка М. Хильдемайера, «партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп... за исключением крайне левых» (Морозов, 2014: 52). Вторая – народно-социалистическая – стремилась не к расширению своих рядов, а к отстаиванию своих базовых принципов твердо и незыблемо. При этом обе партии, несмотря на разный масштаб и неодинаковую политическую «успешность», многое сделали для формирования в дореволюционной и революционной России зачатков гражданской культуры, популяризации социалистической доктрины именно в отечественном объективном «контексте», применительно к реалиям страны. И одна, и другая неонароднические партии позиционировали себя как приверженцы этики в политике (на это счет, особенно у эсеров, был целый ряд философских работ, обосновывающих необходимость морального подхода к политической деятельности). И хотя возможно возражение по поводу террора, практиковавшегося эсерами довольно широко в 1900-е годы, как ни странно, в целом террор не должен дискредитировать революционных радикалов-народников как поборников

моральной чистоты в политической сфере. Для них это была крайняя и, по их искреннему убеждению, неизбежная мера по искоренению зла – самодержавия, идущая в ход, поскольку прочие, менее экстремальные средства на русский царизм с его «свинцовыми мерзостями» не имеют, увы, никакого воздействия. В рядах обеих партий были замечательные идеологи и блестящие публицисты, занявшие видное место в управленческой элите недолгого, к сожалению, периода демократической республики после Февральской революции. Можно сказать, что в понимании неонародников социализм становился идеей общества, живущего по законам общечеловеческой культуры (а не классовых приоритетов!), «в котором организация производства и управления вторична по отношению к интересам и целям бытия человека как самодостаточной, свободной индивидуальности» (Межуев, 1991: 10). Воспитание в «трудовом народе» осознания такой внутренней свободы и человеческого достоинства вместе с интересом к политическим и общественным, а не только собственным бытовым делам, и эсеры, и народные социалисты почитали важнейшей насущной задачей, без решения которой путь к социализму будет закрыт. Итак, народничество в полной мере зарекомендовало себя как неотъемлемая часть отечественного (да и, пожалуй, европейского) демократического социализма.

На самом старте у неонародников была возможность создать единую партию, но эта идея не была реализована по целому ряду причин и обстоятельств. Сами лидеры народных социалистов заверяли, что ни по формальному членству, ни по духу никогда не принадлежали к ПСР. Некоторым основанием для убедительности выводов советской историографии служит идейная и организационная близость, которая, несомненно, была у правых и левых народников в первые годы XX века. Между представителями двух будущих партий шло активное сотрудничество в одних и тех же периодических изданиях; до полного размежевания случалось, что умеренные народники даже оказывали конспиративные услуги эсеровским боевикам. Следует принимать во внимание, что окончательное организационное оформление обеих партий (особенно это касается эсеров) произошло значительно позже, чем началась фактическая деятельность под знаменем народнической идеологии. В первые годы XX в. у эсеров не было фиксированного членства, партийных списков, партия еще не стала массовой – и ее лидеры со спокойной совестью могли относить к ней всех, кто когда-то содействовал или хотя бы в чем-то просто симпатизировал ей. Показатель «партийности» в раннеэсерский период можно проиллюстрировать словами М.А. Натансона: «Как принимались члены? Кого считали хорошим человеком, того и принимали» (Леонов, 2019: 147). Партийная статистика на тот момент еще не велась; недостаточно репрезентативны на сей счет и полицейские сведения. Однако идеологи правого народничества впоследствии принципиально отрицали свою принадлежность к эсерам, имея свой политический резон, и при отсутствии формальных документов, говорящих обратное, их заявление в данном случае – по сути, самый авторитетный источник.

Годы, предшествовавшие Первой русской революции, были настолько насыщены настроением созидания общественных и политических организаций всевозможных течений и толков, что разобраться в том, кто остался верен раз и навсегда выбранному пути, а кто не сразу определил свой политический идеал, иногда довольно трудно. Старт политической карьеры у лидеров обеих партий был, можно сказать, общий: первой серьезной политической организацией, к которой имели непосредственное отношение будущий эсер В.М. Чернов, будущие энесы А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский и др., была «Социально-революционная партия Народного права» (1893–1894), возглавляемая бывшими народовольцами М.А. Натансоном и Н.С. Тютчевым и объединившая Саратовский, Орловский и Московский кружки народников. По завершении раннего, провинциального периода общественной деятельности (большинство неонароднических идеологов начинали именно в провинции, находясь в ссылке и/или работая в составе так называемого «третьего элемента» в земских учреждениях) будущие «звезды» народнического социализма, обосновавшись в столице, стали активно развивать свои публицистические дарования, и журналистика служила им площадкой популяризации идей. Будущие народные социалисты сотрудничали в эсеровских изданиях (что было, то было!): основанном А.А. Аргуновым центральном органе ПСР «Революционная Россия» и позже в журнале «Сын Отечества». В структуре «Революционной России» были заложены основные принципы, которым затем следовали популярные, рассчитанные на «простой» контингент читателей народнические издания: каждый номер содержал разделы типа «Из общественной жизни», «Хроника рабочего движения», «Из провинциальной хроники», «Что делается в крестьянстве» и т.п. На составлении материалов данной тематики было весьма удобно и полезно развивать не только концептуальные взгляды, но и навыки общения с демократической аудиторией, что и делали будущие главные идеологи эволюционного социализма А.В. Пешехонов и В.А. Мякотин, написавшие множество статей для «Революционной России». Эсеры, в свою очередь, не упускали случая опубликоваться в знаменитом журнале «Русское богатство», который считался и был «универсальным», общекультурным изданием и позиционировался как беспартийный, но по существу стал колыбелью народно-социалистической партии. По сравнению с ежедневными и даже еженедельными эсеровскими газетами и журналами там требовалась публицистика иного, более научно-аналитического характера; в создании текстов такого рода у эсеров был особенно силен В.М. Чернов.

Отношение к некоторым вопросам (чаще тактики, чем программы) могло подвергаться и трансформациям со временем – это уже дело политического темперамента, который, как правило, с возрастом ведет человека от «сердца» к «уму» и постепенно избавляет, соответственно, от радикализма. В самом начале 1900-х гг. некоторые будущие энесы (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин) нередко симпатизировали осуществляемым эсерами терактам. А.Ф. Пешехонова вспоминала, как, сообщив находившемуся тогда под арестом мужу об убийстве Великого князя Сергея Александровича, увидела радостную улыбку на его лице (НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 25-26). Вполне достоверны сведения и о конспиративных услугах, оказанных А.В. Пешехоновым Б.В. Савинкову, И.П. Каляеву и даже Е.Ф. Азефу, с которым многие неонародники, не зная всех сторон его деятельности, были «на короткой ноге». В.М. Чернов, человек, как показало время, смелый, но в политике довольно рассудочный и осторожный, находился прямо-таки под обаянием личности знаменитого провокатора и был шокирован его разоблачением, до последнего защищал его и готов был судить как клеветника скорее самого В.Л. Бурцева, но только не Азефа (Гусев, 1999: 34). Постепенно взрослея человечески и политически, основная часть эсеров «первого поколения», не говоря уже о народных социалистах, ко второму десятилетию XX в. о терроре совершенно перестала помышлять.

Идея создания партии народных социалистов пришла сотрудникам редакции народнического журнала «Русское богатство» в 1905 г. Партия была официально зарегистрирована в сентябре 1906 г., но в действительности функционировала к этому времени уже около года. В декабре 1905 г. на о. Иматра (Финляндия) произошло знаковое для всех народников событие, прошедшее окончательный водораздел между «левыми» и «правыми», революционными и умеренными – учредительный съезд ПСР.

На съезд от «Русского богатства» получили приглашение А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский и П.Ф. Якубович. То, что, по словам Пешехонова, у них не было права представительства на съезде (Пешехонов, 1917: 328), подтверждает формальную непринадлежность группы «Русского богатства» к партии. Тем не менее «богачи» были приняты как желанные гости и встречены с искренней теплотой; по этому можно судить об искреннем желании эсеров заполучить ярких и известных в общественных кругах людей в свою организацию, о надежде на тесное и постоянное сотрудничество. Однако вскоре стало ясно, что альянса не получится, так как по ряду принципиальных вопросов мнения «хозяев» и «гостей» пошли вразрез. Эсеры допускали возможность конспиративной партии, правые народники – нет, так как считали ее тупиком, из которого невозможны работа с широкой общественностью и борьба с правительственной реакцией. Эсеры отстаивали необходимость непременно вписать в программу требование республики, представители «Русского богатства» этот пункт как раз не считали существенным, предложив альтернативную формулировку – «народовластие», которая давала бы больше простора формам государства со справедливым, демократическим общественным строем. Эсеров возмутило пренебрежение гостей делением программы на «минимум» и «максимум». Последние же считали разумным не скачкообразность и надрыв, а последовательное, непрерывное движение, приводящее в результате к качественным изменениям, и называли это как раз той самой революционностью, которой эсеры не желают в них признавать.

По свидетельству правого эсера М.В. Вишняка, на первом партийном форуме как модератор блистал В.М. Чернов, показавший себя непревзойденным мастером компромиссов (Русское зарубежье, 1997: 686). Однако его дипломатического таланта оказалось недостаточно для того, чтобы заставить группу «Русского богатства» полностью принять линию эсеров и поступиться собственными принципами в вопросах, которые «богачи» считали основополагающими. В итоге правые народники ушли со съезда. Правда, нужно сказать, что, хотя известный писатель и поэт П.Ф. Якубович (Л. Мельшин) покинул съезд вместе со своими товарищами, в дальнейшем, единственный из них, присоединился не к народно-социалистической партии, а именно к ПСР, сочтя ее для себя более близкой по духу.

Пережив и осмыслив первый неудачный опыт единения с эсерами, умеренные народники занялись организационным самообразованием в политическую партию с руководящим ядром. Писатель и этнограф В.Г. Богораз-Тан, обратился к интеллигенции «левее кадетов» с призывом к объединению. «Мы могли бы создать великую народно-демократическую партию» (Ерофеев, 1979: 108), – убеждал народник, настаивая, что в период, когда политическое самосознание народа растет, интеллигенция не может оставаться беспартийной. Название партии – народные социалисты – оттеняло народническую преемственность, приверженность социалистическому идеалу и подчеркивало внеклассовый характер нового политического течения, противопоставляя его «узникам классового сознания» – марксистам с их поклонением «пролетарскому социализму». В обосновании программы особо подчеркивался ее принципиальный, а не компромиссный характер (Пешехонов, 1917: 46). Конечной целью провозглашался социализм. На пути к нему, говорилось в комментариях к программе, неизбежны некоторые временные и вынужденные уступки реалиям, но основная тенденция партийной работы – «возможно дальше отодвинуть жизнь в направлении, определенном конечной целью» (Пешехонов, 1917, 46).

Хотя народно-социалистическая партия позиционировала себя как внеклассовая, ее преимущественно интеллигентский состав еще более подчеркивал аналогичную черту российской партийно-политической системы. Чтобы получить известность как политическая организация,

необходимо было найти сторонников или, выражаясь современным политологическим языком, «последователей» во внешней среде. В поисках надежных контактов с крестьянской общественностью энтузиасты создания новой партии обратились к депутатскому корпусу I Государственной Думы и членам Всероссийского Крестьянского союза (ВКС). С ВКС сотрудничество народников к тому времени уже было налажено: А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, В.Г. Богораз-Тан, В.И. Чарнолуцкий входили в его руководящие органы (Ерофеев, 1979: 95). Аграрная программа этой организации была почти идентична программе народных социалистов. Получилось так, что ВКС стал первой ареной конкуренции социалистов-народников с разными аграрными программами. Эсеры стремились превратить Союз из массовой внепартийной организации в «филиал» своей партии; будущие народные социалисты старались отстоять его автономный характер и сблизить с трудовиками. В I Государственной Думе успехи интеллигентов-народников также были впечатляющими. С их помощью большинство крестьян-депутатов объединилось во фракцию, получившую название Трудовой группы. Аграрная программа (национализация земли, наделение ею земледельцев по трудовой норме), разработанная народными социалистами во главе с А.В. Пешехоновым, пришлась по вкусу депутатам-трудовикам, которые представляли в основном зажиточные слои крестьянства, крепких хозяев. Эсерский проект социализации земли трудовиков не вдохновил. Первый «раунд» борьбы за сельскую общественность, представленную на официальном уровне, остался, таким образом, за правыми народниками. При организационном оформлении народно-социалистической партии ее актив делал ставку на то, что депутаты-трудовики непременно войдут в партийные ряды, однако неожиданно столкнулся с препятствием: трудовики берегли свой чисто фракционный статус, считая, что именно во внепартийности залог их успеха в деревне, и отмежевались от провозглашения ориентации на социализм. Слияния не получилось.

В межреволюционный период 1907–1914 гг. возможности показать себя на отечественной арене публичной политики у социалистов-народников было крайне мало. Эсеровский актив в основном находился в эмиграции. Народные социалисты оставались в России; их главной политической ареной стала публицистика, переживавшая подлинный расцвет, а партийная жизнь на время затихла («восстановительная конференция» партии прошла в Москве 22–25 марта 1917 г.). Осенью 1914 г. левая оппозиция начала осторожно нащупывать пути объединения своих сил. Инициаторами совместных собраний народников «различных оттенков» выступали историк-энес С.П. Мельгунов (Сыпченко, 1999: 169) и А.Ф. Керенский, энергично подключившийся к делу объединения с 1915 г. Будущий министр-председатель Временного революционного правительства возглавлял на тот момент думскую фракцию трудовиков и был уже очень популярен как юрист, оратор, общественный деятель. В середине июля 1915 г. на столичной квартире Керенского состоялось нелегальное общероссийское совещание народников из разных городов – всего собралось около 30 человек (Сыпченко, 1999: 172). Были эсеры, энесы и трудовики. Результатом этой встречи стало избрание «Центрального бюро объединенного народничества», объявившего своей ближайшей целью «восстановление различных народнических организаций и устройство периодических съездов по мере надобности» (Сыпченко, 1999: 174). Таким образом, хотя принципиальные разногласия по программно-тактическим вопросам между народниками разных направлений никуда не исчезли, наблюдалась положительная динамика по части желания их сотрудничества. Она была связана, судя по всему, с подспудными ожиданиями скорых политических изменений в стране, с накалявшейся атмосферой общественной среды, с брожением в массовом сознании и поведении населения империи, подстегиваемыми войной. Однако следует при этом отметить, что вплоть до весны 1917 г. наиболее видные эсеровские деятели по-прежнему находились вне России, и инициативы нового актива, совершавшего шаги по интеграции народников, не отражали настроения партийных «мастодонтов», державших собственную, обособленную линию. Впрочем, любое движение в сторону роста активизма, любые попытки налаживания конструктивных коммуникаций, кем бы из демократов они ни предпринимались, не могли не свидетельствовать о позитивных изменениях в отечественной политической культуре.

Хотя средний общепартийный уровень образованности энесов был заметно выше, чем у эсеров, – законченное высшее образование было у 56,7 % членов против 31,7 % в ПСР (Протасова, 2019: 64–65), в деле разработки собственной философской платформы социалисты-революционеры, главным образом стараниями В.М. Чернова, преуспели, пожалуй, больше своих правонароднических визави. Энесы вообще теоретизировали относительно мало, зато как можно детальнее старались разработать конкретные программные пункты в соответствии с российскими общественно-политическими реалиями. Обе партии немало сил отдавали разработке своего рода «раздаточного материала» для народа, составлению и изданию популярных брошюр, где простым языком излагались основные партийные требования и содержались призывы проявлять интерес к вопросам не только собственного хозяйства, но и общественной значимости. При этом сама «живая» народническая среда была не застывшей, а достаточно подвижной. Были переходы членов, иногда весьма заметных, из одной партии в другую. Так, старый народник Н.В. Чайковский, «дедушка русской революции», с начала 1900-х гг. был близок к эсерам, заняв должность секретаря основанной В.М. Черновым Аграрно-социалистической лиги (Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490).

С 1904 г. Чайковский вошел в Заграничный комитет ПСР, занимался доставкой литературы и оружия в Россию. В 1910 г. на суде он был оправдан после заявления о том, что никогда не принадлежал к партии социалистов-революционеров. После этого, действительно покинув партию, Чайковский переключился на кооперативное движение. В 1916–1917 гг. он уже входил в состав ЦК Трудовой группы, а в 1917 г. баллотировался от объединенной ТНСП во Всероссийское Учредительное собрание ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 490-491](#)). А.А. Титов, впоследствии химик с мировым именем, располагая собственными средствами, оказывал поддержку эсерам-боевикам и, по некоторым данным, принадлежал к ПСР, но с 1906 г. активно включился в деятельность по организации народно-социалистической партии, став одним из основателей ее московской группы ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 434](#)). Известный экономист и публицист Н.П. Огановский, напротив, в 1917 г. перешел в ПСР из народно-социалистической партии, так как считал последнюю недостаточно перспективной в условиях революции ([Всероссийское Учредительное собрание, 2014: 286](#)). По свидетельству М.В. Вишняка, Огановский, обратившийся к нему как члену технической Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное Собрание с просьбой о регистрации кандидатом от ПСР по Воронежскому избирательному округу, вполне искренне выразил убеждение, что на текущий момент «различия между эс-эрами и эн-эсами почти совсем стерлись» ([Вишняк, 1954: 300](#)). Вишняк, согласившийся с полезностью Огановского для эсеровской фракции, предоставил политической совести новоявленного эсера решать этический вопрос партийной верности. В результате Огановский был избран депутатом, участвовал в разработке эсеровского законопроекта о земле. Но, когда Учредительное собрание не сумело выполнить своего предназначения, первыми, кого обвинил в этом Огановский, оказались эсеры ([Вишняк, 1954: 300](#)). Были отдельные случаи перехода от народных социалистов к кадетам и наоборот. Впрочем, следует отметить, что подобные ротации массового характера не имели, и политическое самоопределение представителей неонароднических партий в подавляющем большинстве было осознанным и твердым.

По словам известного современного историка А.В. Шубина, «моментом расцвета российского гражданского общества стал 1917 год, но срыв революции в гражданскую войну, переход к жестким авторитарным режимам привели к постепенному разрушению его структур» ([Шубин, 2007: 238](#)). В постсоветские десятилетия как на теоретическом, так и на обыденном уровнях часто оценивается роль социалистических партий в этом деструктивном процессе. Обвинения в их адрес теперь следуют не из-за «мелкобуржуазного», а значит, реакционного характера народников начала XX века (в этом их отличала советская историография), а из-за недостаточной прозорливости, беспомощности, «рефлексирования» в переломный, знаковый для государства момент. Их «вина» не в злом умысле, а в бездействии и неопытности. Один из наиболее существенных, справедливых упреков в данном контексте – порицание за несогласованность, нежелание пренебречь частно-партийными интересами ради спасения страны и общего демократического (а в дальнейшем, возможно, и социалистического) будущего. Еще один достаточно обоснованный упрек может быть предъявлен в том, что ни одна из демократических сил в Российской Республике не разглядела угрозы демократии не справа, от поверженных монархистов, а слева, от большевиков, считавшихся республиканцами и социалистами.

С течением времени народнические партии уходили все дальше от возможности объединения – при том, что межпартийные и межличностные контакты были постоянными и очень тесными, особенно в 1917 году. Но к этой поре ПСР, ставшая настоящим гигантом на российской политической арене, не могла не воспринимать ТНСП несколько свысока, как, по их масштабам, организационно-карлика, который вряд ли смог бы принести эсеровской партии серьезный политический капитал. По нашему мнению, в неудаче интеграции не последнюю роль сыграла и психологическая несовместимость двух лидеров – Чернова и Пешехонова, занимавших в 1917 г. государственные должности. Хотя первый происходил из дворянской семьи, а второй был сыном сельского священника из провинциальной глуши, их политические старты оказались довольно похожи: оба начинали как земские служащие, но на этом сходство заканчивалось. Чернов много жил за границей, знал европейские языки и живо интересовался западной культурой, к тому же он поддерживал активные связи с социалистическими организациями европейских стран, особенно в период мировой войны в рамках циммервальдского формата; Пешехонов до 1922 года из России не выезжал (не считая Финляндии – тогда еще части Российской империи), иностранных языков практически не знал и подчеркивал свое пристрастие исключительно к русской, особенно народной, культуре. Чернов был не чужд артистизма и был, что называется, личностью демонстративного типа; Пешехонов, хотя не избегал по мере необходимости общественного внимания к себе, никогда сознательно не старался его привлечь. Чернов был трижды женат, Пешехонов всю жизнь был верен своей единственной супруге. В 1917 г. Пешехонов мог получить пост министра земледелия Временного правительства, но вынужден был смириться с тем, что портфель достался Чернову. Эсеры хотели видеть Пешехонова заместителем Чернова, «деловым министром»; Пешехонов наотрез отказался быть на вторых ролях у лидера эсеров. Однако главным объективным препятствием к созданию народнического тандема оказались разные взгляды на решение аграрного вопроса: Пешехонов был пропагандистом национализации земли, эсеры в соответствующем разделе своей программы намечали путь ее социализации (Е.К. Брешко-Брешковская говорила А.А. Демьянову о Пешехонове: «Хороший

человек, очень хороший, и министром пусть его назначат, но только пусть он переменит свою земельную программу» (цит. по: [Протасова, 2004: 106](#)). О непростых отношениях этих двух лидеров народнических партий прямых свидетельств до нас дошло немного, но косвенные доказательства дефицита симпатии между ними вполне красноречивы. Жене Пешехонова «не раз приходилось слышать, сколько неприятных диссонансов вносит «селянский министр» в трудную работу социалистов во Временном правительстве» ([НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 42](#)). В эмиграции, в Чехии, семьи Черновых и Пешехоновых довольно продолжительное время жили по соседству, но, по словам А.Ф. Пешехоновой, главы семейств между собой почти не общались, словно совсем чужие, чуждые друг другу люди ([НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 43](#)). Чернов вполне прижился в эмиграции; Пешехонов чувствовал себя там абсолютно потерянным человеком. Чернов оставался активным политическим деятелем и как эсер, мечтая создать международную организацию под знаменем эсеровской идеологии, и как социалист-демократ вообще – при всяких обстоятельствах, во все периоды своей жизни, до самых последних дней. Для него ностальгия по родине не заслонила убеждений, он, как и большинство «белоэмигрантов», безоговорочно отделял Россию от советской власти. Принципиальной позицией Пешехонова оказалось стремление жить и работать в России при любой власти – даже в ущерб политическим взглядам, которые со временем, надо сказать, несколько «размылись» под воздействием страстного желания вернуться во что бы то ни стало и доказать бывшим соратникам свою правоту. Из этих отдельных штрихов вырисовываются человеческие портреты, настолько разные, что различия сводили на нет идейную общность народнических вождей, не такую уж и малую. Очень вероятно, что прежде всего именно субъективные факторы в свое время исключили возможность достичь договоренности между эсерами и народными социалистами и создать единую неонародническую организацию.

В эсеровской среде в наиболее ответственный момент революции 1917 г., когда всем представителям этой набравшей феноменальную популярность партии необходимо было действовать в унисон, единения и слаженности не было. Речь идет не только о расколе на ПСР и ПЛСР, но и о серьезных расхождениях между так называемыми «правыми» и «центром» умеренного эсерства: правый фланг ПСР в 1917 г. фактически оформился в самостоятельную фракцию, и «центрист» Чернов в 1921 г. сказал им так: «Мы по отношению друг к другу варвары, говорящие на разных языках» ([Морозов, 2013: 140](#)). Основную причину неудач ПСР Виктор Михайлович видел не столько в объективных факторах, сколько в том, что другие внутрипартийные течения не желали следовать линии левого центра, руководимого им самим. М. Вишняк рассказывает, как, заявив Чернову при встрече в апреле 1917 г. о том, что не поддерживает циммервальдскую позицию, сразу почувствовал разочарование последнего. Чернов начал язвить, назвав Вишняка, не претендовавшего на первые роли в партии, но занимавшего в ней заметное место, «кандидатом в лидеры» ([Вишняк, 1954: 255](#)). Несмотря на то, что этим двум видным эсерам в 1917 – начале 1918 гг. приходилось довольно тесно сотрудничать, их политические пути расходились все дальше, пока снова не сошлись перед Второй мировой войной. Не чуждый политического тщеславия, Чернов «самокритично» отмечал, например, что «в противоположность хотя бы Ленину у большевиков, [он] никогда не хотел или не умел держать в своих руках партийный аппарат». В относительно спокойное время либеральный стиль руководства мог расцениваться как показатель внутрипартийной демократии с возможностями широкого плюрализма мнений, но в «мобилизационные» периоды оборачивался в глазах союзников и противников попустительством. Были и иные острые моменты в связи с лидерством в ПСР – партии в организационном плане довольно аморфной: весной–летом 1917 г. необычайно возросла популярность А.Ф. Керенского, которого многие давние члены партии, по-прежнему считавшие лидером В.М. Чернова, лишь условно признавали за «своего», снисходительно именуя «мартовским эсером». Такая мультиполярность также не могла не разобщать партию, ослабляя ее и порождая различные межличностные и межгрупповые конфликты, острота которых отягощалась накалом социально-политической обстановки.

В эмиграции, где с начала 1920-х гг. оказалась основная часть демосоциалистической элиты, еще раздавались голоса в пользу объединения партийных групп и даже предпринимались попытки собрать социалистические силы, но сделать этого никому не удалось. Правда, в середине 1920-х гг. в эмигрантской среде произошло событие, затронувшее не только социалистов-народников, но и представителей иных демократических течений, вызвавшее бурю дискуссий, не утихавших несколько лет и в немалой степени неформально консолидировавшее русскую эмиграцию, – заявление А.В. Пешехонова о намерении восстановить советское гражданство. Пешехонов, буквально одержимый тоской по родной земле и желанием вернуться в Россию, пусть даже советскую, в течение 1924–1927 гг. доказывал эмиграции ее политико-культурную ненужность для родины, неактуальность сохранения старых традиций в языке, отношении к жизни и миру, уверял, что по-настоящему приносить пользу своей стране можно, только будучи ее гражданином. За это демократическая эмиграция обвинила его в капитулянтстве перед большевиками. Осуждая Пешехонова, эсеры и народные социалисты были едины как никогда, и с ними солидарны были представители несоциалистической эмиграции – например, бывшие кадеты. Нужно отметить, что критический пафос у социалистов был гораздо выше, чем у либералов, причем народные социалисты клеймили

позицию своего однопартийца еще жестче, чем даже эсеры. Последних гораздо больше занимала их адаптация к местным социокультурным условиям, которые должны были стать для них теперь своими: после процесса над ПСР 1922 г. они отлично понимали, что безопасный путь на родину для них закрыт, а очертя голову рваться навстречу неизбежным тюрьме и смерти – не героизм, а авантюризм или, скорее, глупость. Народный социалист С.П. Мельгунов написал эсеру А.А. Аргунову о своем отношении к позиции Пешехонова: «Я антипод» (Протасова, 2019: 207). Даже дружеские связи Пешехонова с соратниками, длившиеся много десятилетий, как, например, с В.А. Мякотиним, рвались, не выдержав испытания политическими страстями. «Я мог бы возгордиться, – с горьким сарказмом говорил Пешехонов. – ...Я воссоздал единый фронт русской эмиграции... И весь этот фронт двинулся против меня» (Протасова, 2004: 201). В своей любви ко всему исконно русскому, простонародному, в упрямом нежелании встроиться в европейскую среду, Пешехонов стоял особняком среди эмигрантов-социалистов, смирившихся с необходимостью искать смысл своей деятельности в ином, по сравнению с российским прошлым, качестве – публицистов, пропагандистов универсальных основ демократического социализма.

Постепенно утрачивая в чужих политико-культурных реалиях актуальность, со временем, скорее, данью прошлому становились и различия по партийному признаку, хотя наиболее верные адепты той или иной идеологии (как, например, В.М. Чернов, С.П. Мельгунов, Ф.И. Дан и др.) вплоть до II Мировой войны подчеркивали свою политическую самоидентификацию. Неутомимый В.М. Чернов мечтал о превращении эсерства из национально-русского течения в международное (Письма В.М. Чернова, 2014: 225): по его мнению, именно эсеровские идеи способны объединить разочарованных большевистским вариантом марксизма социалистов всех стран. В послевоенные годы оставшиеся в живых эмигранты-социалисты (их оставались уже считанные десятки, а тех, кто не отошел от политических занятий, – еще меньше) уже практически не упоминали о своей партийной принадлежности. Многолетняя жизнь в Европе и особенно в Америке (туда вынуждены были перебраться многие российские эмигранты первой волны, спасаясь от нацизма) привела к осознанию того, что общая для всех них цель и ценность – демократия, без которой социализм невозможен; что в СССР – вовсе не социалистический строй, а государственный капитализм в самой худшей форме несвободы и беззакония. В.М. Чернов называл большевистский псевдосоциализм «социализмом роботов» (Чернов, 1947: 20), «русским самодержавием наизусть» (Чернов, 1947: 21). Однако по понятным причинам (преклонный возраст, географическая и хронологическая удаленность от родины, после Великой Победы не вызывавшая ни у кого сомнений крепость коммунистических позиций в СССР) о возможностях смены советской политической системы социалисты-эмигранты уже рассуждали, скорее, умозрительно, следуя инерции, в зарубежной периодике, а также в рамках своих воспоминаний, в большом количестве выходящих в 1950-е годы в США, Франции и других странах.

5. Заключение

В завершение дискурса следует уточнить время и стороны упущенных шансов консолидации неонародников: итак, эсеры и народные социалисты могли создать общую партию на учредительном съезде ПСР в декабре 1905 г., народные социалисты и трудовики могли стать единой организацией в 1906 г., все народники вместе (уже в качестве пусть не объединенной партии, но тесной коалиции) имели возможность максимально политически сблизиться в 1917 г.

Что этому помешало? В ряде вопросов между правыми и левыми народниками – энесами и эсерами – было сходства гораздо больше, чем различий: это и нацеленность на социализм как строй классовой солидарности, свободы и демократии; и общий взгляд на социальную базу прогресса («трудовой народ»), и родство мнений в отношении этики в политике. Однако все это была, если можно так выразиться, общность стратегическая, не устоявшая перед страстями политической конкуренции, как сейчас говорят, «в режиме реального времени», перед столкновениями политических амбиций, нравов и темпераментов. К коренным препятствиям созданию общей платформы можно, на наш взгляд, отнести разногласия по организационному вопросу, к частным – расхождения по вопросам тактики и методов борьбы, к принципиальным, но, вероятно, отчасти решаемым (при условии конструктивного сотрудничества) – вопросы программного характера. Здесь по ряду ключевых пунктов мог быть найден консенсус. Субъективный, психологический фактор дополнял, а нередко и обуславливал обоюдное отторжение позиций, разводя несостоявшихся политических партнеров со временем все дальше в разные стороны.

Намерения объединить социалистический фронт, время от времени высказывавшиеся отдельными представителями русской эмиграции, вряд ли правомерно рассматривать в ряду серьезных возможностей организационно-политической консолидации: даже в случае успеха *политические* потенции такого альянса были бы сильно ограничены, если не вовсе перечеркнуты, его фактической виртуальностью, оторванностью от отечественной почвы.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00059А.

Литература

- Всероссийское Учредительное собрание, 2014 – Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014.
- Советская историческая энциклопедия, 1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 16. М., 1976.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.
- Вишняк, 1954 – Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.
- Гусев, 1999 – Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М, 1999.
- Ерофеев, 1979 – Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.
- Коновалова, 2009 – Коновалова О.В. В.М. Чернов о путях развития России. М., 2009.
- Ленин, 1973 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5. В 55 т. Т. 24 (сентябрь 1913 – март 1914). М., 1973.
- Леонов, 2019 – Леонов М.И. Народничество в партийных и общественных отношениях рубежа XIX–XX вв. // *Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 3 / Редкол.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. Воронеж, 2019. С. 146-161.
- Межуев, 1991 – Межуев В. Есть ли будущее у социализма? // *Свободная мысль*. 1991. № 14. С. 6-18.
- Морозов, 1998 – Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
- Морозов, 2014 – Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // *Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции* / Отв. ред. К.Н. Морозов; сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. М., 2014. С. 37-56.
- Морозов, 2013 – Морозов К.Н. Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. // *Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года)*. СПб, 2013. С. 134-148.
- Письма В.М. Чернова, 2014 – «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / Публ., вступ. сл., подг. текста и коммент. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова. Саратов: 2014.
- Пешехонов, 1917 – Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли? // *Русское богатство*. 1917. № 11–12. С. 325-340.
- Протасова, 2004 – Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004.
- Протасова, 2019 – Протасова О.Л. Деятели российского демократического социализма первой четверти XX века на родине и в эмиграции. Рига, 2019.
- Русское зарубежье, 1997 – Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997.
- Сыпченко, 1999 – Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999.
- Чернов, 1947 – Чернов В.М. Истоки // *За свободу*. 1947. № 18. С. 13-24.
- Шубин, 2007 – Шубин А.В. Гражданское общество в СССР // *Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX вв.* М., 2007. С. 237-257.

References

- Chernov, 1947 – Chernov V.M. (1947). Istoki [Origins]. Za svobodu. № 18: 13-24. [in Russian]
- Erofeev, 1979 – Erofeev N.D. (1979). Narodnye socialisty v pervoj russkoj revolyucii [People's socialists in the first Russian revolution]. M. [in Russian]
- Gusev, 1999 – Gusev K.V. (1999). V.M. Chernov. Shtrihi k politicheskomu portretu [V.M. Chernov. Touches to the political portrait]. M. [in Russian]
- Konovalova, 2009 – Konovalova O.V. (2009). V.M. Chernov o putyah razvitiya Rossii [V.M. Chernov on the ways of Russia's development]. M. [in Russian]
- Lenin, 1973 – Lenin V.I. (1973). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Izdanie 5. V. 55 t. T. 24 (sentyabr' 1913 – mart 1914). M. [in Russian]
- Leonov, 2019 – Leonov M.I. (2019). Narodничество v partijnyh i obshchestvennyh otnosheniyah rubezha XIX – XX vv. [Narodничество in party and public relations of the turn of the XIX – XX centuries]. *Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. Vyp. 3. Redkol.: G.N. Mokshin (otv. red.) i dr. Voronezh. Pp. 146-161. [in Russian]
- Mezhuev, 1991 – Mezhuev V. (1991). Est' li budushchee u socializma? [Is there a future for socialism?]. *Svobodnaya mysl'*. №14: 6-18. [in Russian]
- Morozov, 1998 – Morozov K.N. (1998). Partiya socialistov-revolucionerov v 1907-1914 gg [Party of socialists-revolutionaries in 1907-1914]. M. [in Russian]
- Morozov, 2013 – Morozov K.N. (2013). Fenomen subkul'tury rossijskogo revolyucionera nachala XX v. [Phenomenon of subculture of the Russian revolutionary of the beginning of the XX century]. *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konec XIX – XX*. SPb. Pp. 134-148. [in Russian]
- Morozov, 2014 – Morozov K.N. (2014). «Partiya tragicheskoy sud'by»: vklad partii socialistov-revolucionerov v koncepciyu demokraticeskogo socializma i ee mesto v istorii Rossii [“The party of tragic

fate": the contribution of the socialist-revolutionary party to the concept of democratic socialism and its place in the history of Russia]. *Sud'by demokraticeskogo socializma v Rossii*. M. Pp. 37-56. [in Russian]

NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Research Department of manuscripts of the Russian state library]. F. 225. Op. 1. D. 65. L. 42. [in Russian]

Peshekhonor, 1917 – *Peshekhonor A.V.* (1917). Pochemu my togda ushli? [Why did we leave then?]. *Russkoe bogatstvo*. № 11-12: 325-340. [in Russian]

Pis'ma V.M. Chernova, 2014 – «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний» ["We, the Russians, are different, we are created for testing"]. Pis'ma V.M. Chernova. 1920–1941. Saratov, 2014. [in Russian]

Protasova, 2004 – *Protasova O.L.* (2004). A.V. Peshekhonor: Chelovek i epoha [A.V. Peshekhonor: the Man and the era]. M. [in Russian]

Protasova, 2019 – *Protasova O.L.* (2019). Deyateli rossijskogo demokraticeskogo socializma pervoj chetverti XX veka na rodine i v emigracii [Figures of Russian democratic socialism of the first quarter of the twentieth century at home and in exile]. Riga. [in Russian]

Russkoe zarubezh'e, 1997 – *Russkoe zarubezh'e* (1997). Zolotaya kniga emigracii. Pervaya tret' XX veka [Russian Diaspora. Golden book of emigration. First third of the twentieth century]. M. [in Russian]

Shubin, 2007 – *Shubin A.V.* (2007). Grazhdanskoe obshchestvo v SSSR [Civil society in the USSR]. Osnovnye etapy formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v stranah Zapadnoj Evropy i Rossii v XIX-XX vv. M. Pp. 237-257. [in Russian]

Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya, 1976 – *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. T. 16. M., 1976. [in Russian]

Sypchenko, 1999 – *Sypchenko A.V.* (1999). Narodno-socialisticheskaya partiya v 1907-1917 gg. [People's socialist party in 1907-1917]. M. [in Russian]

Vishnyak, 1954 – *Vishnyak M.V.* (1954). Dan' proshlomu [A tribute to the past]. New-York. [in Russian]

Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie, 2014 – *Vserossijskoe Uchreditel'noe sobranie: Enciklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: encyclopedia]. Avtor-sostavitel' L.G. Protasov. M., 2014. [in Russian]

Российские неонародники первой четверти XX века в межпартийных и межличностных отношениях

Ольга Львовна Протасова ^{a, *}

^a Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена политическим и «человеческим» взаимоотношениям двух неонароднических партий России первой четверти XX века – социалистов-революционеров и народных социалистов. Актуальность ее тематики обусловлена полезностью изучения опыта цивилизованного, хотя и не всегда достаточно конструктивного, политического сотрудничества демократических сил в условиях социально-экономической и политико-культурной модернизации страны начала XX в. и эпохи Великой Российской революции (1917 г.). Новизна поставленной в данной работе проблемы состоит в применении не только чисто исторического, но и социально-психологического подхода к анализу межпартийных и межличностных отношений, гораздо более сложных и непредсказуемых, чем градация по формально-партийному признаку. Предмет исследования – попытки политической кооперации партий, сходных по идеологическому духу, но различных по политическому темпераменту. Анализируются подходы обеих организаций к основным методам политической борьбы, отношение к возможности нелегальной деятельности, к вариантам поиска потенциальных союзников на внутривнутриполитической арене; выявлены базовые противоречия между партиями по данным вопросам. Значительное место уделено социально-психологическим характеристикам лидеров и ведущих идеологов партий – В. Чернова и А. Пешехонова. Показано, как и почему при сходстве взглядов на социализм – по их убеждению о прогрессивном строе будущего, общем следовании идеям демократии, практически в равной степени строгом соблюдении моральных принципов в политике, при ориентации на общую социальную платформу («трудовой народ») – эти организации упустили возможность создания единой партии, проводившей бы в жизнь идеалы демократического социализма.

Ключевые слова: неонародничество, политические партии, социалисты-революционеры, народные социалисты, революция, государство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olia.protasowa2011@yandex.ru (О.Л. Протасова)